

Лингвистические и лингвопоэтические понятия в поэзии: к проблеме междискурсивного трансфера

Н. А. Фатеева

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН, МОСКВА

Аннотация. Известно, что поэты (особенно в последнее время) все больше прибегают в своей поэтической практике к лингвистическим и лингвопоэтическим терминам не только для того, чтобы воспроизвести сам процесс порождения текста, но и для раскрытия внутренних тем своих стихотворений. В этом смысле текстовая и метатекстовая составляющие их текстов вступают в тесное соприкосновение, вызывая гетерогенность самого текста. При этом структура текста становится динамической, и лингвистические и лингвопоэтические термины сами теряют свою определенность, подчиняясь внутренней логике развития образности. В статье рассматривается, как такие термины трансформируются в поэтическом тексте, актуализируя свою способность к «расщепленной референции», и в то же время подвергаются растерминологизации, вовлекаясь в языковую игру. Это означает, что, попадая в художественный текст, они подвергаются междискурсивному трансферу: подчиняясь поэтической функции языка, они трансформируют свой метаязыковой статус за счет подчинения законам его когерентности.

Ключевые слова: лингвистические и лингвопоэтические термины, стихотворный текст, метатекстовая составляющая, междискурсивный трансфер.

УДК 81.42

Фатеева Н. А. Лингвистические и лингвопоэтические понятия в поэзии: к проблеме междискурсивного трансфера // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 282–298.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© Н. А. Фатеева, 2015

Контактная информация: Фатеева Наталья Александровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИРЯ РАН (ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019, nafata@rambler.ru)

Статья посвящена анализу и описанию поэтического творчества с точки зрения того, как поэты сами фиксируют свое отношение к языковым знакам. Возможность подобного анализа обусловлена тем, что художники слова все очевиднее выступают не только как авторы поэтических текстов, но и как филологи, экспериментирующие над возможностями языка.

Хорошо известна статья А. Вежицка «Метатекст в тексте» [1978], в которой описываются «метаорганизаторы», или «метатекстовые операторы», используемые в нехудожественной речи. Вежицка отмечает гетерогенность высказываний, в которых собственно текст переплетается с текстом метатекстовым, и выделяет основные функции таких переплетений («они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют»), а также высказывает предположение, «что количественный и качественный “вклад” метатекста в текст является одним из существенных показателей стилистических различий». Но именно в поэтическом тексте «“вклад” метатекста в текст» имеет особую значимость, поскольку он напрямую определяется поэтической функцией языка. Это происходит потому, что в стихотворном тексте поэтическая и метаязыковая функции языка вступают в тесную интеракцию. В этом смысле две формулировки Р. Якобсона – «направленность сообщения на само сообщение как таковое» и «концентрация внимания на самом языковом коде сообщения» [1975, с. 197–199] – синтезируются в том смысле, что код и есть внутренняя поэтическая форма сообщения (т. е. поэтический текст обладает свойством «авторреферентности»).

Моя основная задача – выделить языковые элементы и явления, попадающие в центр внимания поэтов как преобразователей языка. В поэтических текстах последнего времени наблюдается усиление метатекстового компонента: все чаще используется лингвистическая терминология, выделяются фрагменты, содержащие прагматические инструкции читателю, все чаще эксплуатируются композиционные приемы, приводящие к образованию «текста в тексте» (сноски, авторские комментарии, надтекстовые и встроенные элементы и т. п.). По мере развития поэтического языка, как отмечают специалисты в области лингвистической поэтики (Н. А. Николаева [2004; 2009], Л. В. Зубова [2000; 2010] и др.), наблюдается тенденция к усилению метаязыковой рефлексии.

В ходе анализа нами выявлены следующие закономерности. Установлено, что слова лексической группы, связанной с порождением стиха, притягиваются друг к другу в поэтическом тексте, создавая концентрацию

метаязыкового поля в рамках отдельных строф. Так, например, у Аркадия Драгомощенко в книге «Тавтология» (2011) в одном ограниченном фрагменте текста обнаруживаем сразу 8 таких лексических единиц:

Недостаточность, стремясь к полноте,
 заключает субъект в предложение.
 Предложение длиться (бежать): продлевать след угасания –
 в итоге описано сочетанием «заглянуть за часть речи».
 Речь расстилает пейзаж факультативности форм.

В данном фрагменте мы встречаемся с «лингвистическим парадоксом», о котором пишет Александр Скидан в предисловии к книге «Тавтология»: «Как правило, Драгомощенко начинает со смеси абстрактных утверждений и некоего “реального” (достоверного, верифицируемого) восприятия, а затем переходит к подробному описанию, в котором обязательно присутствует момент саморефлексии (определение поэзии либо вопрошание о сущности языка), а заканчивает развернутой апорией: метафорой или целочкой метафор, складывающихся в неразрешимый, “нереализуемый” образ» [2011, с. 6–7].

Наиболее концентрированно метаязыковые лексемы представлены в текстах с метатекстовыми заглавиями, которые с течением времени приобретают форму все более точных определений: ср. «Практика русского стиха» (2002) Демьяна Кудрявцева, «Тавтология» (2011) Аркадия Драгомощенко, «Орфографический минимум» (2001) Андрея Полякова и др.

Нами была осуществлена поуровневая классификация элементов метаязыковой организации поэтического текста, а также выделен набор лексем-маркеров межтекстовой связи (*цитата, кавычки, текст, строки (строчки), вариации, сказать, писать, читать, вспоминать*). Мы также отметили, что цитатность становится одним из основных приемов организации текста. Эта тенденция отмечена, например, у Владимира Строчкова (*Рассудок мой застигнут на горячем, / замазан и замечен (но с трудом) / в делах предосудительных: он прячет / концы в цитаты. Постмодерн. Дурдом*) и разъяснена на метаязыковом уровне вместе с цитатами из классиков у Александра Скидана:

*есть речи
 значенье
 прагматика
 синтаксис
 указательное местоимение
 согласование огласовка
 ни одно слово не лучше другого
 <цитата – это способ прервать контекст>*

Как мы видим, в этом тексте представлены очевидные отсылки к тексту М. Лермонтова (*Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно* (1840)), а также «Нашедшему подкову» О. Мандельштама (*С чего начать? / Все трещит и качается. / Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого...* (1923)).

В конце XX в. поэзия все активнее начинает использовать термины, характеризующие разные уровни языка (фонетический, орфографический, морфологический, синтаксический, лексический, тропеический), грамматические разряды, категории и формы (часть речи, вид, время, число, падеж, залог, сочинение и подчинение и др.). Особое внимание уделяется и осмыслению знаков препинания, изобретаются даже новые – например, *восклицательная запятая* и *вопросительная запятая* у Алексея Приймы, *просительный знак* у Полины Барсковой, *дефилирующий дефис* у Елены Сазиной.

При этом лингвистические термины в поэтическом тексте нередко сами становятся тропами, актуализируя двойной смысл слов – терминологический и переносный (ср. «Часть речи» Иосифа Бродского, «Прямая речь» Александра Кушнера, «Глаголы несовершенного времени» Владимира Строчкова и др.), и буквально реализуют свою двуплановость в его пространстве: ср. *Метафора – мотор формы* А. Вознесенского. Причем возможно обратное переосмысление терминов, или точнее, растерминологизация понятий и явлений любого языкового уровня. Ср., к примеру, у В. Павловой: *Дитя орфографии, / сколько себя помню, живу от руки. / Стоит поверить руке – и не веришь зрению, / только слуху. Смогу ли судьбу упротить / выправить согласованья, склоненья, спряженья, / хоть немного синтаксис упростить?*; а также у Е. Бунимовича: *то ли я устал от всякого языка / то ли все языки от меня устали / я теряю глаголы входя в обстоятельства / времени / места / цели...*

Из названий грамматических категорий в поэтических текстах наиболее частотны «время» (ср. у Михаила Кузьмина: *В одночасье состарившиеся / глаголы / будущего времени* (2012)) и «лицо» (ср. у Инны Лиснянской: *в пределах грамматического строя / я потеряла первое лицо / в попытках отыскать второе*).

Что касается осмысления грамматического времени, то в развернутом виде оно представлено в стихотворении Игоря Силантьева, начинающемся строкой *Совсем износились времена глагольные*, а далее поэт предлагает *Заменить бы прошедшее на пришедшее, ...Настоящее заменить бы на несостоящее, ...Ну а будущее время заменить на сущее*, в конце же выражено желание *И застыть навсегда в такой вышней грамматике* (2015). Ср. текст целиком:

*Совсем износились времена глагольные.
Заменить бы прошедшее на пришедшее.*

И снова ловили бы глаза детские
Откатившийся в закате шар солнечный.

*Настоящее заменить бы на несоящее,
Чтобы пылью шаги и вещи рассыпались,
А слова эту пыль покрыли бы листьями,
Чтобы не было весело и горько не было.*

*Ну а будущее время заменить бы на сущее
И припасть к шелесту раннего ангела.
А потом запрокинуть бы к нему голову
И застыть навсегда в вышней грамматике.*

Что касается лица, то поэты также нередко играют с многозначностью значения слова «лицо» (это и грамматическое лицо, и лицо поэта, и Лицо Творца), как это делает Тимур Кибиров в ироническом стихотворении «Переложение псалма» (1982–1999):

Нет мочи подражать Творцу
Здесь, на сырой земле.
*Как страшно первому лицу
В единственном числе.*

*И нет почти на мне лица.
Последней буквы страх.
Как трудно начинать с конца
Лепить нелепый прах.*

Тварь притворяется Творцом,
Материя – Отцом.
Аз есмь, но знаю – дело швах
Перед твоим Лицом.

Причем «Я» лирического субъекта в поэзии рубежа XX–XXI вв. также становится метаязыковой категорией и даже выделяется кавычками, как у А. Драгомощенко:

*И «я» отслаивается от «я» в зрении,
Идушем по шагу вслед за «я знаю, что я пишу»;*

*Я ненавижу «я», сидящее в том, что пишется,
как заноза в фарфоровой копилке ступни мальчика,
изымающего занозу.*

В этом случае текст частично «отчуждается» от пишущего, и почти каждое слово берется в кавычки как «чужая речь», которая, собственно, и оказывается самым стихом. Ср.: у Бориса Бергера (Boris Berger-Moon):

*Когда
«Я пишу стихи» –
Это слова,
Но это другие слова.
И главное – это лишь промежутки
Между словами:
«Промежутки» и «между»,
«Это» и «промежутки»
И между:
«Главное», «это» и «лишь»,
Но самое главное – между «я» и «пишу» –
Тут обозначено словом «стихи»,
Но написано позже отдельно,
Потому что оно рифмуется
С «промежутком» между «я» и «пишу».*

В этом смысле «Я» превращает свой текст в поле для лингвистического эксперимента. Чаще всего такой эксперимент описывается в терминах языковой игры, которая смещает границы между серьезным и несерьезным восприятием текста, а также подчеркивает его перформативность. А именно, в процессе чтения текста воссоздается акт его порождения, т. е. буквально действие становления текста происходит в диалоге с читателем. Так, в стихотворении Глеба Симонова (2012) текст действительно вырастает из каждого слова, написанного или произнесенного полностью или по слогам:

*а еще помнишь мы с тобой плыли
в разрозненном языке
в жидкой рассредоточенной сумме
всей сказанной речи
каждого слова
написанного или произнесенного
последовательного
неожиданного
следующего за предыдущим
родного и незнакомого
чи
та
ю*

ще
го
ся
по
сло
гам

В целом, глагольные категории чаще вовлекаются в языковую игру, чем именные (ср. у Л. Лосева: *Грамматика есть бог ума. / Решает все за нас сама: / что проорем, а что прошепчем. / И времена пошли писать, / и будущее лезет вспять / и долго возится в прошедшем. / Глаголов русских толкотня / вконец заторкала меня, / и, рот внезапно открывая, / я знаю: не сдержать узду, / и сам не без сомненья жду, / куда-то вывезет кривая;* у С. Кековой: *Любовь застыла, как инфинитив. / Глагол «забыть» стоит в возвратной форме; Но уже я не в силах причастие / Превратить в переходный глагол;* у А. Драгомощенко: *Ни падежа, ни числа, ни рода, – / ропот глагольной формы брезжит;* у Н. Горбаневской: *Меня преследуют глаголы, / несуществительны и голы, / и по пятам, и по бокам, / хватают, цапают за локоть, / за мной, за мной дверями хлопать / и возноситься к облакам).*

Можно сказать, что грамматический уровень текста так же перформативен, как и все другие уровни текста. Поэт фактически сам порождает некоторые грамматические новообразования, а затем их объясняет с грамматической точки зрения. Показателен в этом отношении фрагмент из стихотворения «Взгляд» В. Гандельсмана (2010):

Зайдешь в квартиру, глянешь изнутри... –
смотри туда, где нет тебя, смотри
на свет протяжный.

На дрящися. На неопровержимый,
поскольку и дрожащий, и дрожимый.
Грамматика: действительный залог
одушевлен страдательным. Се Бог.
Твори, Творимый.

Здесь мы наблюдаем не только перформативность, но и метаязыковую обратимость и возвратность: взаимоотраженность и подвижность субъекта и объекта задается одушевлением субъекта творчества за счет «страдательного залога», причем слова «залог» и «страдательный» могут здесь пониматься и не в грамматическом смысле, а буквальном.

Грамматические явления предстают и в метафорической трансформации, которая получает отражение в ритме стиха и его переборах. Ср., также у В. Гандельсмана в стихотворении «Из Набокова» (2003):

Вот только что же делать с этой фразой,
с моей наклонной фразой, с перебоем
благословенным ритма, с этой лентой
столь мёбиусной предложенья, что
не оторваться, и конца не видно...

Стихотворение не случайно имеет название «Из Набокова», поскольку в романе «Дар» некоторые набоковеды находят структурное сходство с лентой Мёбиуса, а именно: автор-повествователь и протагонист движутся по той же стороне одной ленты... (В конце концов, оказывается, что написанный роман – это будущее произведение Федора Годунова-Чердынцева). Здесь же В. Гандельсман применяет метафору «ленты Мёбиуса» к поэтическому тексту, так как разбиение на строки позволяет строить такие формы предложений, которые, не преломляя, можно вести по кругу: они перетекают друг в друга и не обрываются.

Грамматические разряды могут получать в тексте надтекстовый статус. Так, названия частей речи в стихотворном тексте Андрея Полякова становятся заглавием и эпиграфом стихотворения, однако заключенными в косые скобки, что предполагает их альтернативность, т. е. свободу заполнения данной позиции словом определенной части речи, а также запись текста в неокончательной черновой форме. Ср.:

<МЕСТОИМЕНИЕ>

<Существительное><прилагательное>

<существительное><глагол>

<Существительное><прилагательное>

<существительное><глагол>

Увидеть *волн* <причастие> ряды на всех
лучах <причастие> заката промолчать:
«Мне ничего не надо, мои ладони радостно
пусты! О, римляне, светла моя рука
и голод мой – не голод Ганнибала
а если рыба к чаю надоела, то вот
<союз> закат, и облака
и 9 строк про то, что вдалеке
Италия <Италия> двои́тся...»

При этом словоформы «причастие» и «союз» в самом тексте Полякова могут быть истолкованы двояко – как названия частей речи и как полноценные слова, чему способствует девятиивность словосочетаний внутри

стиховых рядов. Такая запись подчеркивает метаязыковой характер текста, когда процесс его генерирования не закончен и предполагает сотрудничество читателя.

В то же время само грамматическое понятие «части речи» становится в поэтическом тексте относительным, и возникает собственное понимание частеречного статуса, как, например, у А. Драгомощенко в «Тавтологии», который, учитывая переходный характер отглагольных существительных, акцентирует у них именно глагольную составляющую, что позволяет выразить взаимопереходность важных для него поэтических состояний *зрения, чтения и письма*:

*Зрение не существительное, оно – не исполняемая
форма
глагола «чтение».*

*Чтение перебора условных пространств
(игра по принятым правилам в беспечном саду,
лето благоприятно и руки просты),
но чаще чтение очерчено путешествием
в ландшафтах необязательных форм;
на полях выцветает стерня и замечание: «писать...»*

Такое осмысление отглагольных существительных у Драгомощенко, как пишет А. Скидан, «позволяет воспринимать их как маркеры, дестабилизирующие, развоплощающие существительное в его сущности» [2011, с. 8].

Самым близким к отглагольным прилагательным поэтому оказывается у поэта инфинитив, посредством которого соотносятся сущности *чтения, письма и зрения*:

*Я не знаю, что я пишу, однако при этом
знаю, что возникает в твоём чтении.*

<...>

*Читать, т. е. писать – что-то вроде уравнения
закрытых глаз,*

*ретенциального зрения в складке утреннего вещества –
через какое-то время (терпение невыносимо*

в длительности

части начнут сближение вплоть до мгновения,

когда вновь станут тем, что называлось предметом:

таково иногда преодоление множества (только дождаться).

Приблизительно так начинается чтение / письмо.

Одновременно у Драгомощенко возникают особые отношения между глаголом и предлогом, и предлог приобретает глагольную категорию переходности, которая из грамматической трансформируется в философскую, смещая устоявшиеся различия между языковыми сущностями. Ср., например, такие прозаические и поэтические контексты:

(1) Вне сомнения, речь идет отнюдь не о вымышленном предложении, *неделимой переходности предлога, но о простоте пропозиции, о чистой синтагматической оси, – намерении как таковом вне указаний.*

(2) Прекрасно прямое действие, как искривленная формула времени,
где в прорехах между пределами искрится тело предлога, словно категория глагольного выдоха, суженного до пресечения.

(3) Разве изменит что-либо
прямызна предлога в обоюдоостром теле глагола, сотканном из двух линий лезвия, летящих в купель истончения, то есть туда, где снова расходятся в стороны, и в прикосновении к которому материя находит нужную недостаточность в миг перехода?

Как мы видим, в этих контекстах сами понятия глагола и предлога становятся «телесными», и в них подчеркиваются моменты переходных состояний. Недаром А. Скидан, осмысляя поэзию А. Драгомощенко, пишет, что «первое, с чем сталкиваешься, открывая Аркадия Драгомощенко, – это стремительность переходов от одной модальности высказывания к другой» [2011, с. 6], и далее: «Это поэзия не сущностей, но отношений, переходности, бесконечных метаморфоз...» [Там же, с. 8].

Такая переходность, или скорее, перетекаемость же всех трех частей речи – глагола, предлога и существительного, обнаруживается в контексте, где предлог оказывается связующим и управляющим звеном:

Понимание находит опору в падении,
как в произрастании туда, *где только предлог управляет действием – знанием существительных.*

В связи с метаязыковой рефлексией нами специально проанализированы лексические единицы когнитивной сферы, имеющие высокие показатели встречаемости в поэтических текстах: *мысль, смысл, мыслить, замысел*, а также поле «памяти» (*память, воспоминание, вспомнить*). Эти единицы

встречаются преимущественно в контекстах, связанных с идеей текстопо-
рождения: например, *Тавтология не является мыслимой точкой / равнове-
сия значений, но описанием пространства / между появлением смысла
и его расширением; / Отпусти память, а также тление по слогам, / то-
чащее срок возвращения к зениту буквы* (А. Драгомощенко).

Из названий силлабо-тонических размеров лидирует «ямб», затем идут
соответственно «анapest», «хорей», «амфибрахий», «дактиль». Эти назва-
ния нередко сочетаются в одном стихе. Ср. у Б. Кенжеева: *Вот и рифмы
нахлынули: имя, / время, племя. Попробуй уйми, / укроти их, мыслитель
неловкий, / уважающий ямб и хорей, / что когда-то мечтал по дешевке от-
купиться от доли своей...;* у Л. Лосева: *наших ямбов пустых плоскостопье
/ и хореев худых хромоту;* у Н. Делаланд: *Так незнакомо звучишь, амфиб-
рахия полный – / В дактиле птичьим, невнятистью корня срastив / что-
то свое с чем-то общим – не знаю, не знаю и др.*

Поскольку в XX в. все большее внимание в поэзии начинает уделяться
«верлибру», или «свободному стиху», поэты все чаще осмысливают эту
стихотворную форму в своих текстах. У современных поэтов лексема
«верлибр» становится основой для языковой и межъязыковой игры. Ср.
у Ю. Идлис: *здесь можно все что угодно / потому что это верлибр / вер-
либр / свободная вера;* у В. Павловой: *когда мы говорим с тобой / язык
становится родным / не растолкуешь словарям / верлибром не переве-
дешь.*

Интересно осмысление верлибра в поэзии Н. Делаланд, в которой он
становится некой самостоятельной, одушевленной сущностью с опреде-
ленной мерой свободы, но все же неотъемлемой от субъекта творчества,
при этом полная свобода стиха также подвергается сомнению, хотя сам
текст представляет собой верлибр:

Дорогая Алина!
*Вчера у меня был мой первый
верлибр. Я его уложила
набело с первого раза
и, кажется, он свободен.
Впрочем, бывает ли стих
до конца свободен
и от начала?
Бывает ли вовсе занят?
Да, ангажирован мной
на весь май и даже
до сентября рачительно зафрахтован.*

творении он фактически объявляет себя противником нормированности и канонизации, причем не только на уровне орфографии:

*Акация, хочу писать окацяя,
но не уверен, что возьмут
ломать слова, когда канонизация
литературы, где людей живут.*

Кажется, что стремление современных поэтов найти другой, неканонический способ записи слов сродни метаязыковой рефлексии в Интернете, о которой пишет Н. Б. Мечковская в статье «Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета» [2006]. Она отмечает, что «интенсивная метаязыковая рефлексия в Интернете отвечает одной из долговременных в истории коммуникации тенденций, состоящей в усилении значимости в общении метаязыковой семантики» [Там же]. Мечковская считает, что «графикоорфографическая рефлексия – это, по-видимому, самое сильное и в известной мере новое проявление метаязыковой рефлексии говорящих. Шутки с буквами и азбуками, конечно, давно известны в истории культур <...> однако по массовости распространения и при этом глубине рефлексии игровая “албанская орфография” – явление беспрецедентное [Там же]. М. Кронгауз в книге «Самоучитель олбанского» [2013] называет такое «олбанское» письмо не безграмотностью, а антиграмотностью, и считает, что оно уже сходит на нет.

Все данные явления свидетельствуют об усилении метаязыковой рефлексии, а также об обнажении ее как приема стихотворного текста. Как мы видим, «в современных поэтических текстах регулярно встречаются метафорические характеристики стиховых явлений, авторские оценки словоупотребления, комментарии, сопровождающие использование грамматических форм, синтаксических конструкций, толкования, уточняющие статус языковых явлений и единиц, особенности написания и графики словоформ» [Николина, 2009, с. 49].

Нами также был составлен словарь словаря изобретенных поэтами неологических терминов, которые заполняют лакуны в традиционной номинации лингвистических и стиховедческих явлений (так называемый «Словарь метапоэтических неологизмов», или «Словарь неолингвизмов»). Мы отметили, что именно современные поэты неофутуристического направления особо тяготеют к созданию новых лингвопоэтических терминов. Все созданные ими термины по-своему характеризуют то новое, что внес в поэзию каждый из авторов (Ры Никонова, С. Сигей, А. Вознесенский, В. Мельников, Г. Лукомников, С. Бирюков и др.) в результате осмысления своего творчества и опыта предшественников.

Как пишет С. Бирюков, «...каждый новый термин (или его переосмысление) – это еще одна гипотеза, еще один шаг в постижении правил той

затеянной человеком игры, которая зовется искусством» [1996, с. 396]. Ср.: *акционные стихи* (Ры Никонова), *словострока* (С. Сигей), *архистихи* (А. Вознесенский), *букватуры* (С. Сигей), *волнозвучия* (Г. Лукомников), *инсайд-аут* (К. Кедров), *книгура* (С. Бирюков), *листовертень* (Д. Авалиани, Г. Лукомников), *муфталингва*, *муфтолингва* (В. Мельников), *словарево* (А. Альчук), *словосегмент* (А. Бубнов), *непокорифма* (В. Мельников) и др. Недавно С. Бирюков создал еще один неологизм «звубуквица» в стихотворении «К музе зауми»: *я попал в разрывы слов / и фонетической слюной / я склеивал разрыв миров / звубуквицей сквозной*.

Однако словотворчеству в области терминологии привержены не только неофутуристы, но и представители других направлений современной поэзии. Прежде всего, интересен изданный Андреем Монастырским «Словарь терминов московской концептуальной школы» [1999]. В нем можно найти как неологические образования, отражающие лингвофилософскую основу концептуализма, так и переосмысление существующих терминологических единиц как явлений «философской поэтики». А. Монастырский в предисловии к словарю пишет: «Здесь, в отличие от философии, мы имеем дело с поэзией понятий. Если и существует такое явление как “философская поэтика”, то именно концептуализм (по крайней мере, в его “теоретической” части, представленной словарем) акцентирует в этом словосочетании поэтическое, подчеркнуто “несуществующее” – то, что сначала требует ничем не оправданного доверия к себе, а уж потом понимания» [Там же].

Приведем несколько статей этого словаря, представляющих собой новообразования.

АББРЕВИАТУРНОСТЬ (аббревиатурное прочтение, аббревиатурное зрение) – отношение к визуальному ряду как к тексту, составленному из сокращений. Аббревиатурное видение мира опосредовано наличием бессознательных аббревиатурных структур в глубинах памяти и языка (термин В. Тупицына).

АРТИФИКАЦИЯ (артификационный каприз, артификационное искажение) – высказывание (артикуляция), имеющее вид «произведения искусства» (термин П. Пепперштейна, введенный в книгу со значимым названием «Идеологизация неизвестного», 1988).

ПСИХО-ТРОП – фигура внутренней речи, регулирующая отношения между различными «психемами», т. е. формами, в которые умещается психическое содержание (термин П. Пепперштейна).

СЛОВАРНОСТЬ – результат смыслового смещения, совершенного по отношению к понятию «словесность» (термин П. Пепперштейна).

В целом, в конце XX – начале XXI в. усиливается «профессиональный» характер метаязыковой рефлексии, и в текстах часто обнаруживаются узкоспециальные термины (*дискурс*, *артикуляция*, *суггестивность*, *инфинитивная поэзия* (ср.: «Инфинитивная поэзия: по мотивам Жолковского»

у Т. Кибирова), *факультативность форм, коннотация, перцепция, дефиниция* и др.¹ Данные специальные слова у Т. Кибирова почти всегда используются в ироническом ключе, что подрывает их «специальный» статус. Ср.: *Русь-Россия! От сих коннотаций / нам с тобою уже не сбежать. / Не РФ же тебе называться! / Как же звать? И куда ж тебя звать?; Перцепция с дискурсом расплелись... (друг-Хохол / такую дефиницию нашел / для страсти нежной, коей мучим я)*. В стихотворении же В. Кривулина, так и озаглавленном «Столичный дискурс», совершенно та же ирония, прежде всего связанная со стремлением к иностранным научным парадигмам, связанным с изучением «дискурса»:

*боюсь я: барт и деррида
не понаделали б вреда
они совсем не в то играют
что мне диктует мой background*

Таким образом, современный поэтический дискурс развивается в сторону метаязыкового анализа не только отдельных явлений языка, но и научных парадигм, связанных с прецедентными именами. При этом статус этих имен изменяется в связи с ироническим их переосмыслением. В то же время поэзия начинает совмещать в себе собственно поэзию с параллельным исследовательским аппаратом, который относится к сфере метаязыка. Все нарастающее расширение области метапоэтических составляющих в стихотворном тексте сигнализирует о том, что поэзия как филологический дискурс и лингвистическая поэтика как наука все более смыкаются.

В то же время лингвистические и лингвопоэтические термины, попадая в художественный текст, подвергаются междискурсивному трансферу: подчиняясь поэтической функции языка, они трансформируют свой метаязыковой статус за счет подчинения законам его когерентности.

Список литературы

- Бирюков С.* [рец.] Бубнов А. В. Типология палиндрома // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 396.
Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 402–421.
Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: НЛО, 2000.

¹ В книге А. Скидана «Красное смещение» (2005) находим буквально скопленные таких терминов: *паронимическая аттракция, параллелизм, аллюзии, референциальность, инстанция буквы, морфосинтаксические единицы, эвфоническое сгущение, декодированные потоки, кризис метаповествований, диакритический знак, нейтральность смысла* и др.

- Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: НЛО, 2010.
- Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013.
- Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mechkovskaya-06a.htm> (дата обращения 28.06.2015).
- Николина Н. А. Грамматические термины в русской поэзии // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 63–79.
- Николина Н. А. Активные процессы в языке современной художественной литературы. М.: Гнозис, 2009.
- Скидан А. АДД: возможность иного // Драгомощенко А. Тавтология. М.: НЛО, 2011.
- Словарь терминов московской концептуальной школы / Сост. и автор предисловия А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. URL: <http://yanko.lib.ru/books/dictionary/m-k-sh/slovar-m-k-sh.htm> (дата обращения 28.06.2015).
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Article metadata

Title: Linguistic and linguopoetic concepts in poetry: the issue of interdiscursive transfer

Author: N. A. Fateeva

Author's e-mail: nafata@rambler.ru

Author affiliation: Institute of Russian Language of the RAS

Abstract: We know that poets (especially lately) in their poetic practice often use linguistic and linguopoetic terms not only to reproduce the process of text generating but also to reveal the internal themes of the poems. In this sense, textual and metatextual components of their texts come into close contact causing heterogeneity of the text itself. The structure of the text becomes dynamic, and linguistic and linguopoetic terms lose their certainty and follow internal logic of the imagery. The article examines how these terms are transformed into a poetic text, actualizing their ability to «split reference», and at the same time they are subject to determinologization engaging in language game. This means that entering the literary text they undergo interdiscursive transfer: obeying the poetic function of language they transform their metalinguistic status by subjection to the laws of text's coherence.

Key terms: linguistic and linguopoetic terms, poetic text, metatextual component, interdiscursive transfer.

Reference literature (in transliteration):

Birjukov S. [rec.] Bubnov A. V. Tipologija palindroma // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. № 19. S. 396.

Jakobson R. Lingvistika i poetika // *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. M.: Progress, 1975. S. 193–230.

Krongauz M. A. Samouchitel' olbanskogo. M.: AST, 2013.

Mechkovskaja N. B. Estestvennyj jazyk i metajazykovaja refleksija v vek interneta // *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2006, № 2 (12) S. 165–185. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/mechkovskaya-06a.htm> (accessed 28.06.2015)

Nicolina N. A. Aktivnye processy v jazyke sovremennoj hudozhestvennoj literatury. M.: Gnozis, 2009.

Nicolina N. A. Grammaticheskie terminy v russkoj poezii // *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2004, № 1 (7). S. 63–79.

Skidan A. ATD: vozmozhnost' inogo // *Dragomoshhenko A.* Tautologija. M.: NLO, 2011.

Slovar' terminov moskovskoj konceptual'noj shkoly / The compiler and author of the foreword A. Monastyrskij. M.: AD MARGINEM, 1999. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/dictionary/m-k-sh/slovar-m-k-sh.htm> (accessed 28.06.2015)

Wierzbicka A. Metatekst v tekste // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. VIII. M.: Progress, 1978, S. 402–421.

Zubova L. V. Jazyki sovremennoj poezii. M.: NLO, 2010.

Zubova L. V. Sovremennaja russkaja poezija v kontekste istorii jazyka. M.: NLO, 2000.